

«Ах, господа! У меня дом — первый в Москве. Так уж и известен: Хлестаков трактир. Я ведь тоже балы даю. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу, артистов разных. Ох и любят они у нас собираться. Одним словом, творческое заведение».

Вроде бы и ни к чему поминать Ивана Александровича Хлестакова, но это Горин виноват. «Давай, — говорит, — встретимся с тобой в «Хлестаков трактире», там и поговорим. Ты ведь небось о судьбах России будешь спрашивать? Очень даже символично может получиться».

Конечно, забытые ныне «яти» в устной речи не слышны, но у Горина они как-то получились. Там, в «Хлестакове», мы с ним и встретились. Между прочим, очень хороший «трактирь». Хоть скрытой рекламой это считайте, хоть явной. Но дело, конечно, не в нем, а в собеседнике.

Григорий ГОРИН:

«ВСЕГДА РЯДОМ ЕДУТ ДВЕ БРИЧКИ РОССИЙСКИЕ: В ОДНОЙ — ЧИЧИКОВ, В ДРУГОЙ — ХЛЕСТАКОВ»

Прежде всего я спросил Горина о его пристрастии к Хлестакову. Не к трактиру, а к персонажу.

— Понимаешь, в нем нет злости. На самом деле это прекрасный новогодний Дед Мороз, только молодой... У нас ведь с тобой новоднее интервью?

— Да. Кстати, Гриша, ты помнишь, как мы «изучали» «Ревизора» в школе?

— Конечно. И не только «Ревизора», а и Гоголя «в целом». Сатирика. Между прочим, в последние годы он представляется мне не столько сатириком, сколько печальным иронистом. Ни жестокостью, ни сатирическим пафосом он не обладал. Его Хлестаков — врун, и легкость в нем необыкновенная, и я все думал: чего ж это такие зубры на него купились? А потом понял: они в нем себя в молодости узнали. Они ведь все начинали такими же большими рас...дяями и веселыми людьми, а кончили угрюмыми, сующими деньги заезжему ревизору. Я считаю, что и деньги-то он брал, потому что давали. Налог на глупость, который Россия ввела в свое время.

Мне почему-то кажется, что и Николай Васильевич о нем так же думал. Иначе он бы его так легко не отпустил, а, будучи правоверным сатириком, как, скажем, Фонвизин, в конце обязательно наказал бы. Осудил. А Хлестаков спокойно уехал, зазвенели колокольчики... Всегда рядом едут две брички российские: в одной — Чичиков, в другой — Хлестаков.

— Почему же веселые хлестаковы с такой неизбежностью превращаются в городничих и прочих землян? Что за странная коллизия с ними происходит?

— Лихость Хлестакова — свойство молодости, а она уходит. В канун третьего тысячелетия мы вдруг опять поняли, что жизнь везде одинакова. Я много поездил по Земле и вдруг ощутил: взаимоотношения между внешними неприятностями и внутренним миром легко сбалансировать. Пример — мой отец. Мы с тобой сейчас выпьем за его здоровье: ему только что исполнилось 93 года. Свой день рождения он отмечает в Сан-Франциско, он там живет. Отец уехал туда всего пять лет назад, ему было 88. А первая его «поездка» за рубеж была на войне. Он ушел на фронт в 40-м, на финскую, и в 45-м оказался в Берлине. Он по колена в орденах и абсолютно советский человек. Он жил в Кузьминках, в хрущобе, где все было со всем соединено и где мы все спали. Ему нравилось здесь и теперь нравится там, в Сан-Франциско, где он живет примерно в такой же хрущобе.

— Неужели они там есть?

— Ну чуть побольше. Вот мой отец — человек по натуре чрезвычайно легкий. Хотя и не Хлестаков. Он не добился ни званий, ни регалий, перед отъездом подарил собственную квартиру государству, потому что любой другой вариант нужно было долго оформлять.

— Но ведь Хлестаков — явление сугубо русское.

— Да, но этот русский характер свойствен всем народам, живущим в России. И татарам, и евреям. Русские долго запрягают, но потом, слава Богу, никуда не едут. Просто запрягают и запрягают. Поэтому, я считаю, в России никогда не пройдет фашизм. По той же причине, почему не прошел ни социализм, ни капитализм. Просто не пройдет, и все. Для фашизма нужны аккуратность, собранность, понимание порядка. В России этих предпосылок нет. Есть лихость, отчаяние, горечь, и от всего этого — какая-то дикая самобытность. Хорошо это или плохо — другой вопрос, но Европа именно так должна принимать эту страну. Или — нашу страну, а то «патриоты» на «эту» или «ту» сильно почему-то обижаются.

— Гриша, а ты себя кем ощущаешь — русским, татаринком, евреем?

— В спектакле «Поминальная молитва» есть персонаж (его играл Леон), который высказывает мое кредо: «Я русский человек еврейского происхождения иудейской веры». Я не хочу отказываться ни от одной из этих составляющих.

— Ты — верующий?

— Да.

— И ходишь в синагогу?

— Иногда хожу, но я не ортодокс, что вызывает сложности во взаимоотношениях с правоверными евреями. В полной мере я не отношу себя ни к христианской, ни к иудейской конфессии. Я с большим уважением отношусь к Новому Завету, с особым уважением — к Ветхому и с претензиями ко всем конфессиям, включая буддизм. Я вообще считаю, что посредники между Богом и человеком необязательны.

Я пишу пьесу о царе Соломоне. Я прочитал о нем все, что можно было прочесть по-русски. Ока-

залось, это капля в море. Равнины в Иерусалиме, с которыми я разговаривал, объяснили мне, что есть четыре уровня понимания Торы. Первый — на уровне сюжета. Второй уровень — аллегории и толкования. Третий — мистический: значение цифр и букв. И наконец, четвертый уровень — это тайна, которую будешь познавать только ты. Все это они мне объяснили, мне это очень понравилось, после чего они мне заявили, что я напрасно вознамерился писать пьесу о Соломоне, поскольку иудаизм не приемлет театр. Человек, сказали они, не должен кем-то прикидываться. А один из раввинов сказал мне с чисто еврейским юмором: «Можете, конечно, попробовать. У Томаса Манна про Иосифа неплохо получилось. Но вы ведь не лучше Томаса Манна?» «Не лучше», — ответил я. На том и расстались.

Марк, дай мне, пожалуйста, сигарету. А то я бросил курить, но в старом году еще можно.

— Давай вернемся, что называется, к основной теме. Новый год — это для тебя праздник или подведение неких итогов?

— Сейчас, подожди, я прикурю. Две недели не курил, много потерял...

Праздник, конечно. Хороший праздник.

— Что для тебя важнее: Новый год или день рождения твоей жены?

— Ну знаешь ли! Это удар ниже пояса. В прямом смысле слова. (Задумался.)

Новый год важнее. Если я буду к этому празднику плохо относиться, то это будет плохим подарком для моей жены, которая очень его любит. Выкрутился?

— Вполне. Ты оптимист?

— Вполне. И хотя мне нелегко, как и многим в России, у нас все будет хорошо. Когда происходит несчастье, мой папа говорит, что могло быть гораздо хуже.

— Это и есть оптимизм?

— Это и есть оптимизм. Он позволяет относиться ко всему с достаточной долей а) иронии и б) надежды. Знаешь, в одной еврейской молитве есть фраза: «Господи! Пугай, но не наказывай!»

Господь пугает нас очень сильно. И многих наказывает, они вызывают чувство сострадания и сочувствия. Сколько несчастий произошло в этом году! Те, кто пострадал от них, с отвращением отшвырнул газету... Но в то же время могли погибнуть все: на нас двигалась комета. Она проскочила. Наши спутники разваливаются так же, как наши самолеты, но, слава богу, их обломки не падают на города. Из тех страшных испытаний, которые описаны Екклесиастом, на наш век выпали не самые главные. Мне кажется, нам дико повезло. Объясню почему.

Во-первых, мы как-то проскочили те страшные годы, когда у нас опять стреляли друг в друга, практически начиналась гражданская война. Но даже и тогда я оставался спокоен. Наверное, такой характер.

— Ты был спокоен или оставался над схваткой?

— Я не был над схваткой. Но я одним из первых понимал, что противника надо пожалеть, потому что он — с моей точки зрения — заблуждается. И никакой ненависти он, противник, у меня не вызывал. Кроме фашистов, с которыми никакого разговора быть не может. Короче говоря, если бы нужно было что-то защищать, я бы пошел, но в карательный отряд попросил бы меня не зачислять, потому что это противоречит моим убеждениям.

У меня нет ощущения, будто моя родина — вся эта огромная страна: от Москвы до Дальнего Востока или от Бреста до Кавказа. Нет, мой город — Москва, я здесь родился, в Лефортово, я лефортовский парень. Москва для меня — абсолютная родина, и, случись, не дай Бог, гражданская война, я пошел бы защищать город Москву. Как-то я об этом же Лужкову сказал: из-за некоторых ваших решений и поступков я к вам отношусь неоднозначно, но, если городу будет грозить беда и будет создаваться ополчение, я пойду. Так же в начале войны пошли в ополчение люди, не принимавшие Сталина и социализм. Они понимали: если будет уничтожен Большой театр или то же Лефортово, то это значит, что они как бы и не жили.

Такой патриотизм я приемлю, он естествен для людей. Когда обидят мою жену или ребенка, вступает первобытный инстинкт. Мой город — в том же ряду. Если начнется война (опять же — не дай Бог), скажем, из-за Курильских островов, я буду долго думать, спрашивать, чьи они на самом деле. А вот если бы злые языки вызвали такую неприязнь к москвичам, что провинция с дубьем кинется на Москву, я в стороне не останусь. Ведь эта пропагандистская кампания постоянно в ходу: москвичи, дескать, слишком богато живут. Попытка сыграть на чисто российской черте — нашему

мужико мало, чтобы он жил хорошо, нужно, чтобы сосед жил плохо.

— Тебе не кажется, что этого мужика следует пожалеть? Ему почему-то всегда не слишком хорошо. Иногда он приезжает в столицу или по телевизору видит и говорит: ты посмотри, как живут эти гады!

— Я много езжу по провинции, и у меня нет ощущения, что, скажем, в Брянске, Орле или Нурильске эти настроения так уж сильны. Если их не подогревать, их не будет вовсе. В Нурильске, например, качество жизни стало чудовищное, раньше у них были какие-то надбавки, теперь ничего этого нет. Но они все больше понимают, что внешние признаки материального благополучия москвичей — далеко не все. Они говорят: у вас в Москве дышать нечем, не проедешь и цены сумасшедшие; у нас получше. То есть, на мой взгляд, в России начался самый главный процесс — переоценка ценностей. И отнюдь не в пользу центра. Еще вопрос, чем эта переоценка закончится. Возможно, в какой-то момент они скажут: ребята, а не будете ли вы жить сами по себе, а мы — сами по себе?

Я понимаю, что определение неполное, но другого у меня нет.

— Как-то Андрей Дмитриевич Сахаров, отвечая на тот же вопрос, сказал мне: «Интеллигент — это человек, не приемлющий насилия». Ты согласен с таким определением?

— Оно мне очень симпатично. Но, как всякое определение, оно несовершенно. Думаю, Андрей Дмитриевич вполне мог бы совершить насилие, если бы кто-то, скажем, оскорбил его жену.

— Однажды академик Сахаров дал пощечину «историку» и «борцу с западным империализмом» Н.Н.Яковлеву — как раз за то, что тот оскорбил Елену Георгиевну Боннэр...

— Вот видишь. Я тоже не приемлю насилия, но в некоторых случаях оно неизбежно. Когда я работал на «Скорой помощи», пьяный бросился на меня с ножом. Я постарался не убежать — что, наверное, было бы правильно, — а применил насилие: покалечил ему руку.

Все государства строятся на оговоренном насилии. Цивилизация — та плата, которую человек платит за подавление своих инстинктов. Поддаться

закону об авторском праве композитор телефильма, например, получает деньги, и немалые, но автор сценария или режиссер.

— Стало быть, при капитализме тебе не очень хорошо?

— Мне интересно. Я пытаюсь разгадать его законы. Не для того, чтобы разбогатеть (это вряд ли возможно), но чтобы не превратиться в нытика, который говорит, что «раньше было лучше». Раньше мне было спокойней, но не лучше.

— Что значит — спокойней?

— Я тебе объясню. Раньше я знал пределы своих возможностей и воспринимал кружку пива и полученный в Союзе писателей заказ к Новому году как высшее право. Этим же правом пользовались и Борис Полевой, и Борис Пастернак. Сейчас мне неспокойно, потому что нужно побороть в себе желание иметь, скажем, иномарку вместо моих «Жигулей». Иногда обуревают желание иметь дом под Москвой. Казалось бы, я вполне могу себе это позволить. Но это только на первый взгляд — хотя в одной только Москве сейчас идет пять моих пьес. Однако половину гонораров съедают налоги,

Мое к.комм.м.ц. — 1997. — 31 дек. — с. 4.

Фото Александра Изотова.

Вроде бы — распад огромной страны. А на самом деле это — ее величие. Такая вот парадоксальная мысль. Величие — не в территории, а в ощущениях человека, живущего там, где он живет, и не завидующего соседям. Временами мне кажется, что провинцию надо просто оставить в покое. С точки зрения Москвы, правосторонний руль в автомобилях Владивостока — это неправильно. А с точки зрения людей, покупающих автомобили в Японии, — правильно. И Москва тут лучше было бы помолчать.

— Не так давно состоялся Конгресс интеллигенции. Тебя там не было. Почему?

— Мне показалось это нескромным — прийти и заявить: мы, интеллигенция. Хотя я себя к ней причисляю.

— Что это такое, на твой взгляд, — интеллигент?

— Человек мыслящий, Homo sapiens в чистом виде, еще и размышляющий над смыслом жизни.

инстинкту — значит разбить голову обидчику.

Четыре года я работал врачом «Скорой помощи» в Люблино. На меня нападали наркоманы, меня вызывали в пьяные компании, и временами я был вынужден уступать толпе. Однажды мою бригаду вызвали на свадьбу, там умер тесть, прямо за столом. Пьяные, разгоряченные люди требовали, чтобы я его оживил. Разумные доводы не действовали. Я подчинился, стал его оживлять, что было весьма глупо. Учтивая, что к тому моменту он уже полчаска как скончался.

— Оживил?

— Нет, конечно. Я уступил и тем самым унижил себя как врача.

— Фрагменты из твоего фильма «Тот самый Мюнхгаузен» используются в рекламных роликах. Ты получаешь за это деньги?

— Ни копейки. Авторскими правами обладает телевидение. Даже в случае очередного показа фильма я ничего не получаю. Согласно нашему

да и платят театры очень мало, особенно провинциальные. Так что загородный дом мне не светит. Раньше я о нем даже не думал, а теперь, при капитализме, иногда хочется.

— К кому из российских политиков ты относишься с симпатией?

— К Чубайсу. Он делает дело и хорошо держит удар — в отличие от большого количества краснобаев. Я вот несколько раз пытался быть режиссером. Под разными предлогами актеры отпращивались с репетиций, они срывались. А я всем верил — добрый такой парень Гриша Горин, который всегда поймет и «войдет в обстоятельства». А есть случаи, когда входить в обстоятельства нельзя, как врач я обязан был бы это понимать. Мне кажется, что Чубайс выполняет функцию врача достаточно жестко, и это полезно, в том числе и для меня. Я думаю, он помогает стране пройти весьма трудные моменты. Когда его выгонят (а его выгонят обязательно), все поймут: жаль. Потому что хоть как-то, но зарплаты он все-таки вытянул и деньги из-за границы сумел выбить. Главное, он все-таки смог перевести этот громадный маховик из одной системы в другую. Со Столыпиным я его не сравниваю, Столыпин я не знал, но замечу, что Столыпин был самым нелюбимым политическим деятелем того времени.

Мне нравится Виктор Степанович. Он не блещет искрометными мыслями, его взаимоотношения с русским языком хорошо известны, но в нем есть та стабильность отцов, которая необходима приходящему поколению. Мы ведь все время в ситуации, когда то ли мы атакуем, то ли нас атакуют. Должен быть человек, который хотя бы своим внешним видом показывает, что он знает, как надо делать.

— Как ты относишься к «новым русским»?

— Недавно меня пригласили в Арабские Эмираты. Выступать. Казалось бы — перед кем? А там, оказывается, десять тысяч этих самых «новых русских» с семьями. В этом году туда вывезли 20 миллиардов долларов. Там открыты русские магазины, школы, лицей, есть русский клуб, объединяющий интеллигенцию. Тоскуют они там страшно. Хотя страна — богатейшая, я впервые отдал должное авторитарной системе правления. На этой маленькой территории арабы нашли нефть и стали самой богатой страной мира. В Тюмени тоже нашли нефть, причем гораздо больше, но тюменцы не стали богаче ни на рубль. Гражданин Эмиратов, рождаясь, получает на счет 300000 долларов.

«Новые русские» поначалу вызывали у меня любопытство, а сейчас — некоторое уважение. По большей части они — не москвичи. Я жил на вилле бывшего жителя Иркутска. Он освоил банковское дело, знает языки, бывает в Иркутске. Но живет — там. Потому что мы не можем обеспечить безопасность ему и его семье. И их там, повторяю, десять тысяч. Они свободны, они вызывают восхищение у арабов, потому что смекалисты. Их не душат налогами и не «достают» журналисты. Обеспечить им нормальные условия и убедить их вернуть деньги в Россию — они много смогли бы сделать для страны.

— Концу тысячелетия пророчат всяческие катаклизмы. Тебя это не пугает?

— Нет, я вообще считаю, что мне повезло, поскольку мне выпала честь встречать новое тысячелетие. Это не многим дано.

— Твоя работа над пьесой о царе Соломоне подходит к концу?

— Она приостановилась. Я понял, что мне не хватает знаний и не хватает языка. В Израиле мне говорили: ты читаешь перевод с перевода — русский текст Библии был переведен с греческого, а тот, в свою очередь, с иврита. Я ответил им, что не осило. Они мне сказали, что Лев Николаевич Толстой в 56 лет начал изучать иврит и вообще прочесть Библию в подлиннике. Мне нечем было крыть.

Беседовал Марк ДЕЙЧ.